

УДК 93: 323.3

ЖИЛИЩНЫЙ ПЕРЕДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ЖИЛЬЯ И НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ТАТАРСТАНА 1920-1930-х гг.

© 2015 О.А. Хабибрахманова

Казанский институт социальных и гуманитарных знаний

Поступила в редакцию 05.03.2015

Статья посвящена вопросам организации жилищной политики советского государства в 1920-1930-е годы. Особенности распределения жилья в условиях его хронической нехватки породили целый ряд новых форм проживания, несвойственных дореволюционной научной интеллигенции. *Ключевые слова:* научная интеллигенция, распределение, Казанский университет, жилищная политика.

В 1920-е - 1930-е гг. российское общество переживало серьезные изменения, которые были в первую очередь связаны с провозглашением строительства социалистического общества. Революционные потрясения, годы гражданской войны способствовали значительному ухудшению социально-экономического положения населения. Особенно остро ухудшение качества жизни ощутили представители научной интеллигенции, по сути, новая власть поставила ученых на грань физического выживания. Архивные документы свидетельствуют о тяжелом материальном положении ученых, в котором в 1920-е - 1930-е гг. оказались деятели науки и в центре, и в провинции. Вузы Казани испытывали материальные трудности, не хватало профессоров и преподавателей, отсутствовало нормальное финансирование. Отсутствие частной практики значительно ухудшило социальное положение научных работников.

В этих условиях власти вынуждены были пойти на ряд мер, связанных с социальной защитой научной интеллигенции. Одной из таких мер стал вопрос о защите жилищных прав научной интеллигенции. В 1920-е - 1930-е гг. проблема жилья в городах проявлялась особенно остро. Фонд Министерства коммунального хозяйства ТАССР, имеющийся в Национальном архиве, располагает данными переписи населения г.Казани и слобод по состоянию на 1923 г. Вот о чем свидетельствуют архивные документы: по переписи населения в г.Казани насчитывался 120701 человек. По санитарным нормам на каждого жителя города полагалось 2 кв. сажени жилой площади. Жилищный фонд г.Казани состоял в то время из 8087 строений общей площадью 255403 кв. сажений, а для удовлетворения потребностей в жилье этот фонд должен быть порядка 304436 кв. сажений. Таким образом, 49006 кв. сажений жилья

для нормального обеспечения не хватало, без крыши над головой, исходя из этих цифр, должно было оказаться 24503 жителя г.Казани¹.

Конечно, эта проблема не могла не коснуться научных работников. Вспоминает жена аспиранта И.Г. Валидова: «...Общежитие на улице Сакко и Ванцетти. Комната была в одно окно, маленькая, и стояли в ней одна кровать, один стол. Одна тумбочка и два стула. Квартиру во дворе университета мы получили позднее»². «Когда мы жили во дворе университета, у нас было печное отопление, и, естественно, дрова мы сами пилили. Ибрагим Гильманович колот. А пилили мы много – по 8-10 кубометров, так как топили две печи»³. Разрешить проблему самостоятельно, без вмешательства центральных органов власти, руководящие органы Татарии не имели права в силу специфики взаимоотношений власти и регионов, когда выстроенная вертикаль власти не позволяла проявлять инициативу на местах. Поэтому руководящая роль в оказании помощи по улучшению жилищных условий ученых должна была исходить из центра.

Первым шагом на пути разрешения этой проблемы стала разработка Центром инструкции о порядке выселений, расселений и уплотнений научных работников. Вся деятельность была основана на срочности, оперативности, поэтому уже 16 января 1922 г. на основании инструкций СНК принимает постановление «Об улучшении жилищных условий научных работников»⁴. В итоге научным работникам, ввиду специфических условий их деятельности, предоставлялось право на дополнительную комнату для научных занятий сверх общегражданской нормы, причитающейся им и их семьям жилой площади: «С особого разрешения Комиссии по улучшению быта ученых право пользоваться помещениями для лабораторий, чертежных, библиотек, коллекций и всякого рода научных занятий, необходимых по специальности»⁵. Правда, реально мало кто из ученых смог воспользоваться этим правом. Чтобы пользоваться подобными льготами, ученый

Хабибрахманова Ольга Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин. E-mail: OlgaAH@Yandex.ru

должен был стать членом особой организации ученых – Комиссии по улучшению быта ученых, вход в которую был доступен ученым с многолетним стажем и ведущим активную общественную работу по поддержке новой власти.

В 1920-е гг. было разработано так называемое право на самоуплотнение, которое было распространено и на научных работников. «При наличии в квартире научных работников комнат, сверх закрепленных за ними, предоставить им право на самоуплотнение в двухнедельный срок с момента освобождения или взятия на учет свободного помещения».

В начале 1920-х гг. нередко наблюдались случаи выселения собственников из их владений, а более частым стало явление подселения к домовладельцу дополнительных жильцов. Постановление СНК от 1922 г. учитывало и этот момент. Выселение научных работников из занимаемых ими помещений могло производиться только по суду и лишь в тех случаях, когда наблюдалось хищническое отношение к жилищу, влекущее его разрушение. Также выселению мог быть подвергнут научный работник, отказавшийся вносить плату за помещение⁶. Льготы по тем временам немалые, кроме того, предоставлялось право выдавать удостоверения, охраняющие жилищные права научных работников. Все жилищные отделы были обязаны принимать эти удостоверения, а в случае возникновения спорных вопросов – руководствоваться ими. Удостоверение выдавалось сроком на 3 месяца, затем его необходимо было перерегистрировать в Комиссии по улучшению быта ученых⁷. В случае доведения конфликта до суда председатель Комиссии по улучшению быта ученых должен был приглашаться в качестве третьего заинтересованного лица. Но это всего лишь постановления, очень часто случалось так, что они не выполнялись на практике или бывали сильно искажены и дополнены таким образом, что теряли всякий смысл.

Реализация постановления СНК о защите жилищных прав научных работников началась и в Татарии. Местные власти, в частности Татсовнарком, также определяли льготы своим ученым, тем более что ситуация была крайне напряженной. В СНК Татреспублики поступило коллективное заявление от казанской профессуры, где она высказывала следующее: «Имеется ряд вакантных кафедр. Причины не замещения в том, что, несмотря на желание работать в Казани, ученый не находит подходящих условий работы в том смысле, что с первого же шага натывается на невозможность найти для себя и своей семьи помещения. Это всем так хорошо известно, что считается уже навязчивостью напоминать об этом, об этом нужно кричать...»⁸. Однако в действиях властей Татреспублики наблюдались некоторые расхождения с постановлением центральных

властей. В частности, при предоставлении дополнительной комнаты ее площадь ограничивалась 20 кв. аршинами, в постановлении центральных властей таких ограничений не было. В отчетах Татарской Комиссии по улучшению быта ученых (таковая была создана по примеру центральной) мы можем встретить записи обо все ухудшавшихся бытовых условиях научных работников и необходимости срочного урегулирования крайне обострившегося квартирного вопроса. «Человек 30-40 научных работников ютятся по лабораториям и кабинетам вузов, в маленьких комнатах частных квартир в обстановке, исключающей нормальную научную работу»⁹.

Значительно осложняется ситуация и в центре. Особенно это заметно начиная с 1924 г., после выхода в свет инструкции ВЦИК от 9 января 1924 г.¹⁰, согласно которой за каждым учреждением и предприятием закреплялось несколько жилых домов, образовывавших своеобразные поселки, проживать в которых могли только члены этих учреждений и организаций. При этом было предоставлено право выселения в административном порядке лиц, не связанных службой или работой с этими учреждениями. Естественно, что эта инструкция распространялась и на научных работников, причем при выселении им не должно было предоставляться другое помещение и перевозочные средства. Подобные жилые поселки стали создавать не только в Москве и Петербурге, но и в Казани появился ряд жилищных поселков, закрепленных за предприятиями, из них также выселяли лиц, которые не работали на данном предприятии. Проблема выселения коснулась и научных работников. В Национальном архиве о выселении ученых можно найти заявления следующего характера: «В мае месяце в мое отсутствие семья была незаконно выселена, и до настоящего времени я не имею жилплощади. Живу временно в полусгнившем помещении площадью около 8 кв. метров с семьей в 4 человека. Обращался в Прокуратуру и Горсовет...»¹¹. Это заявление поступило от П.С. Гурьянова, ученого с 22-летним стажем. Заявление П.С. Гурьянова было удовлетворено, но квартира, которую предложили П.С. Гурьянову, была уже занята другим. Вот что писал аспирант Айзатуллов: «...сектор райсовета Бауманского района выдал ордер гражданину Гурьянову, который занял согласно полученному адресу комнату, занимаемую мною в доме Кирова по Достоевской улице №68. Вещи, принадлежащие мне, были выброшены Гурьяновым в небезопасное место. Я лично находился в доме отдыха...»¹².

18 июня 1924 г. в СНК РСФСР поступило письмо Наркомпроса о нарушениях Постановления СНК, о предоставлении научным работникам жилищных льгот¹³. В письме, в частности, отмечалось, что постановление ВЦИК от 9 января 1924 г. значительно

осложняло положение научных работников, так как разрешало выселять их в административном порядке из домов-коммун и домов, закрепленных за учреждениями и предприятиями. Некоторые народные суды при этом игнорировали право на самоуплотнение, заявляя, что это право «устарело». Кроме того, указывалось на необходимость предоставлять право на оплату дополнительной площади по единому тарифу. В письме также отмечалось, что подобные действия по ограничению жилищных прав вызывают недовольство среди научных работников и подрывают авторитет Советской власти¹⁴. Следующее постановление ВЦИК и Совнаркома о льготах для жилищных поселков появилось уже 16 июня 1926 г. «Об ограничении принудительных уплотнений и переселений в квартирах». Оно подтверждало возможность выселения научных работников из домов, закрепленных за учреждениями и предприятиями. Правда, постановление имело и некоторые частные моменты, как-то: в обязательном порядке предоставлялось право на жилую площадь и транспортные средства для перевозок. Устанавливались и сроки возможного выселения с 1 апреля по 1 ноября.

В то же время набирала авторитет и активно поддерживалась Советской властью профсоюзная организация научных работников – Секция научных работников (СНР). Члены Секции также включались в число льготников, получающих дополнительное жилье. Эти действия власти вполне объяснимы: к тому моменту новое профсоюзное движение научных работников состояло из ученых, поддерживающих новую власть. При СНР, по примеру других организаций и предприятий, был организован жилищный поселок научных работников. На ежегодном собрании научных работников Казани указывалось, что «управление лежит на Правлении СНР как юридическом лице через ответственного секретаря Секции, в помощь которому Жилищный совет с управдомами ведет всю техническую сторону управления»¹⁵. Поселок СНР имел простую схему управления, при которой Жилищный совет вел конкретную деятельность, а отчет держал перед Правлением СНР. На балансе поселка находилось 4 дома: по ул. Галактионовская, д. 57, по ул. Комлева, д. 22 и д. 20, по ул. Старая Горшечная, д. 43. Квартиранимателей числилось 138 человек. Среди них 18 семей преподавателей и сотрудников Университета, 7 семей преподавателей и сотрудников Сельскохозяйственного института, 2 семьи от Ветеринарного института, 5 семей от Мединститута. Больше семей ученых в жилищный поселок СНР заселить не удалось. Судя по заявлениям, поступившим в Жилищную комиссию, нуждающихся семей было значительно больше, их насчитывалось около 56. Но другие квартиры были заняты прежними жильцами, уходить из которых они не спешили. Более того, часто и выселить их оттуда,

по примеру других жилищных поселков, было невозможно. Жилищная комиссия Секции научных работников отмечала, что в поселке «40% чужих, но вопрос об их выселении труден, так как они принадлежат к трудовому элементу»¹⁶. Все-таки число жителей поселка росло, в 1927 г. в поселке проживал 191 научный работник¹⁷. Невероятное желание ученых попасть в квартиронаниматели жилищного поселка не гарантировало благоприятных жилищных условий. Став обладателем квадратных метров, ученый сталкивался с новыми проблемами, решить которые возможно было только посредством бесконечных жалоб, прошений, требований. Недовольства было много. Жители поселка обратились в СНР «ввиду создавшихся невозможных условий жизни и работы», ученые негодуют: «Несмотря на наружные и внутренние батареи свирепствует неимоверный холод – 5 градусов. 1. Замерзла вода в водопроводе (весь верхний этаж без воды). 2. Лопнула штукатурка у потолка и стен. 3. Заболели дети»¹⁸. Другой жилец жалуется: «В квартире стирка и сушка белья, плевки и сморканья прямо на пол, крики с утра до ночи – все это в квартире без сносной изоляции»¹⁹. Даже таких жилищных условий мог добиться не каждый.

И все-таки главным вопросом оставался вопрос оплаты жилья, «...так как в первые месяцы работы многие жильцы уклонялись от денежных расчетов»²⁰. Проблема квартплаты сохранялась и в дальнейшем, сложно было определить сумму, которую нужно было выплачивать за квартиру, как правило, ее ставили в зависимость от зарплаты научного работника. Менялась ставка преподавателя – должна была поменяться и квартплата. Однако заработная плата подвергалась изменениям на протяжении 1920-х - 1930-х гг. Поэтому неудивительно, что долги по квартплате росли. Правление СНР регулярно оглашало на своих заседаниях списки злостных неплательщиков. Среди них мы можем встретить фамилии Д.М. Анучина, Н.Н. Фирсова²¹. Профессор Н.Н. Фирсов имел самую большую задолженность. Как выяснилось, ему была предоставлена льгота по оплате жилья как выдающемуся историку. Тем не менее проблема жилья коснулась и его: ему было предоставлено три комнаты и кухня по ул. Галактионовская, д. 56 (этот дом принадлежал поселку СНР), условия по тем меркам роскошные²². В той же квартире проживал и преподаватель А.М. Васильев, занимая две соседние комнаты. Как раз в этот период в научных кругах Казани Васильевым поднимается проблема деятельности буржуазных ученых и их научных работ. В поле зрения попал профессор Н.Н. Фирсов. На заседании Бюро СНР также обсуждался вопрос «фирсовщины». Говорили много: «...он не марксист, в его работах неонароднические установки...мы делаем вывод о вредности его идеологии, необходимости борьбы с ним и с

его школой...Необходимо эту оценку довести до сведения всех научных работников, так как сейчас многие интересуются, как это мы уважали Фирсова 10 лет, а сейчас открыли по нему огонь?»²⁵. «Огонь» был открыт не только на идеологическом фронте. Вскоре Жилищная комиссия вынесла постановление переселить профессора Н.Н. Фирсова в другой дом, осуществив обмен с доцентом Саутиным, который занимал две комнаты²⁴. «Нельзя не сознавать, что в переживаемой нами жизни много странностей, нелепостей и противоречий», – писал в своих воспоминаниях профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов²⁵.

Вполне понятно, что разрешить квартирный вопрос в течение только одного десятилетия, даже изданием огромного количества постановлений, было невозможно. Самый острый вопрос – жилищный в 1920-е гг. мог быть разрешен только путем предоставления льгот из центра, ни о каком строительстве речи идти не могло, так как не было средств, поэтому на местах ждали указаний сверху. За период 1920-х - 1930-х гг. появилось значительное количество постановлений центральных властей, в них был определен набор льгот для ученых, но другие постановления попросту могли перечеркивать существовавшие и сводить их на нет. Льготником среди ученых мог стать не каждый. Для этого необходимо было стать членом организации ученых и иметь специальное разрешение, заверенное центром. Даже после получения льгот занять комнату было непросто. Отсутствие согласованности в действиях властей, невыполнение постановлений центральных властей и решений суда приводили к неразберихе, что очень часто вынуждало научных работников идти на крайние меры в борьбе за выживание. Несмотря на постановления, распоряжения, ученых выселяли, из их квартир делали коммуналки, к ним подсадили других

жильцов. С начала 1930-х гг. власти откровенно в своих постановлениях ставят бытовые условия в зависимость от лояльности ученых к новой власти, в документах выделяются «некоторые категории» «ответственных работников», к которым применяются особые льготы. В 1930-е гг. жилищные проблемы остались нерешенными, а в некоторых случаях даже приобрели более острую форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф.Р. – 1130. Оп.1. Д.251. Л.64.
- ² Габбасова М.А. Незабываемое // ОРПК НБЛ КГУ. Ед. хр. 10076. Л.5.
- ³ Там же.
- ⁴ Шесть месяцев работы Центральной Комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦеКУБУ). Краткий отчет. М., 1921. С.54.
- ⁵ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.99. Л.3.
- ⁶ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп. 1. Д. 99. Л.3.
- ⁷ НАРТ. Ф.Р. – 1337. Оп. 1. Д.60. Л.3.
- ⁸ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.494. Л.89.
- ⁹ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.152. Л.15.
- ¹⁰ Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.): Сб. док. Л.: Наука, 1968. С.39.
- ¹¹ НАРТ. Ф.Р. – 732. Оп.1. Д.2126. Л.581.
- ¹² Там же. Л.588.
- ¹³ Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.): Сб. док. Л.: Наука, 1968. С.357.
- ¹⁴ Там же. С.39.
- ¹⁵ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.164. Л.6.
- ¹⁶ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.335. Л.89.
- ¹⁷ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.553. Л.37.
- ¹⁸ НАРТ. Ф.Р. – 732. Оп.1. Д.2126. Л.266.
- ¹⁹ НАРТ. Ф.Р. – 732. Оп.1. Д. 2126. Л.323-324.
- ²⁰ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.164. Л.7.
- ²¹ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.816. Л.74.
- ²² НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.164. Л.44.
- ²³ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.856. Л.31.
- ²⁴ НАРТ. Ф.Р. – 644. Оп.1. Д.753. Л.4.
- ²⁵ Призрак свободы // Казань. 1995. №7-8. С.14.

HOUSING REDISTRIBUTION: THE PROBLEMS OF HOUSING AND SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA IN TATARSTAN IN 1920-1930s

© 2015 O.A. Habibrahmanova

Kazan Institute of Social and Humanitarian Knowledge

The article is devoted to the housing politics of Soviet state in 1920-1930-years. The specifics of distribution of dwelling and its chronic shortage produced many new forms of the residing which had been uncommon for the pre-revolutionary scientific intelligentsia.

Key words: scientific intelligentsia, distribution, Kazan University, housing politics.